
В. И. ЕРЕМИНА

ЕЩЕ РАЗ К СЮЖЕТУ О БОЕ ОТЦА С СЫНОМ

Самый «значительный и монументальный» сюжет русского героического эпоса «Илья и Сокольник» в эпическом репертуаре Печорского региона и Архангельской губернии занимает одно из первых мест. Популярен он также в Пудожском крае, на Мезени, Кулое и других частях Русского Севера. В настоящий момент в целом по России сюжет записан приблизительно в ста вариантах.

В различных переработках мотив о бое отца с сыном вошел в целый ряд других былин: о Сауле Левонидовиче, Михайле Игнатъевиче, о бое Ильи Муромца и Алешы Поповича, о столкновении с молодцем из Задонской земли, о бое Ильи с Добрыней и Добрыни с Алешей, о королевичах из Крякова. Получил он и широко известное сказочное оформление — сказка о Еруслане Лазаревиче.

Близкий сюжет был записан у разных народов мира. Известны немногочисленные или единичные кельтские, кавказские, киргизские, германские и иранские версии данного сюжета, а также его международные книжные обработки: «Одиссея» Гомера, «Шах-намэ» Фирдоуси, «Давид Сасунский» в армянском эпосе.

Сюжет о бое отца с сыном был признан международным, как, впрочем, по определению А. Н. Веселовского, и вообще народный эпос всякого исторического народа.¹ Взгляды А. Н. Веселовского о международном характере эпических сюжетов, получившие научное распространение, в дальнейшем не были безоговорочно приняты. Так, в частности, подробное рассмотрение многочисленных международных параллелей в эпосах разных народов привело В. М. Жирмунского к весьма серьезному уточнению данного положения. Международный характер, подчеркивал В. М. Жирмунский, имеют прежде всего сюжеты сказок, о чем свидетельствуют Указатели сказочных сюжетов, хотя и это положение нуждается в дополнительном историческом объяснении. Международный характер в типологическом (но не генетическом) плане имеют и многие эпические темы, мотивы и сюжеты. Однако вопрос об их заимствовании из письменной и устной литературы в области героического эпоса должен ставиться гораздо осторожнее, чем в других областях народного творчества. Героический эпос в отличие от сказки не мигрирует, а потому для его весьма редкого заимствования нужны были в каждом отдельно взятом случае *особые* социально-исторические условия. Наличие международных типологических взаимосвязей, обусловленных близостью их общественного и культурного развития, не снимает, по мнению В. М. Жирмунского, вопроса о возможности культурных и литературных взаимодействий между ними: «...напротив, именно сходство общественной ситуации является предпосылкой подобных взаимодействий. Однако в старых работах по сравнительному изучению эпоса масштабы таких взаимодействий необычайно преувеличивались: всякие типологические параллели, реальные или мнимые, рассматривались как заимствования.

¹ *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины // Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб., 1881. Т. 22. № 2. С. 401.

В результате подобных исследований складывалось убеждение, что эпос данного народа не столько отражает героические воспоминания его национального прошлого, сколько пересказывает своими словами литературные сюжеты, занесенные из-за рубежа.²

В. М. Жирмунский утверждал, что аккуратные и ненавязчивые славяно-романские сближения, сделанные в свое время А. Н. Веселовским,³ в дальнейшем были во многом вульгаризированы его последователями. Так, например, М. Е. Халанский, показав многочисленные соответствия южнославянского эпоса со старофранцузским, германским и античным, сделал смелые предположения об их генетических связях.⁴ Доказать это практически невозможно, так как указанные сходжения в лучшем случае могут быть рассмотрены только на уровне типологии. Несостоятельной, по мнению В. М. Жирмунского, оказалась и попытка Н. Банашевича объяснить развитие песен из цикла Марка Кралевича заимствованиями из франко-итальянской рыцарской литературы.⁵ Эпос, по убеждению В. М. Жирмунского, «создается в живой традиции устного народного песнетворчества, а не в кабинете за письменным столом. Он вдохновляется памятью народа о своем прошлом, а не чужеземными литературными образцами. Поэтому, несмотря на наличие в нем книжных и заносных элементов, он никогда не определяется и не исчерпывается этими элементами».⁶ В. М. Жирмунский не отрицал возможности единичных случаев влияния, скажем, франко-итальянского эпоса на южнославянский, поскольку этому, по-видимому, содействовало культурное общение на территории Дубровника и Далматинского побережья. Однако подобные влияния, скорее всего, должны быть рассмотрены в области сюжетов новеллистического, а не героического характера. В любом случае эти воздействия могли иметь лишь периферийный характер, не затрагивающий существа процесса образования южнославянского эпоса.

Исследователи эпического сюжета о бое отца с неузнанным сыном пытались найти объяснение его появления на русской почве. Н. П. Дашкевич,⁷ А. И. Лященко,⁸ Н. Д. Квашнин-Самарин⁹ и другие видели в основе сюжета былины «Илья и Сокольник», как и в эпосе в целом, факты положительной истории, а потому они пытались ответить на вопрос о времени и месте ее сложения. Они опирались на конкретные «исторические» данные, видя в них прямое и безоговорочное указание на источник появления данного сюжета на Руси, определяя при этом и точное время его появления — X—XIII вв.

² Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. М., 1958. С. 90.

³ Веселовский А. Н. 1) Хорватские песни о Радославе Павловиче и итальянские поэмы о гневном Радо // ЖМНП. 1879. № 1. С. 88—112; 2) Из истории романа и повести. Вып. II // Сб. Отд-ния рус. языка и словесности Академии наук. СПб., 1888. Т. 44. № 3. С. 246.

⁴ Халанский М. Е. 1) Южнославянские сказания о Кралевиче Марке в связи с произведениями русского былевого эпоса. Сравнительные наблюдения в области героического эпоса южных славян и русского народа. Варшава, 1893—1894; 2) К вопросу об отражениях сказания о Бове в сербском эпосе // Русский филологический вестник. Варшава, 1889. Т. 21. С. 260—282; 3) К вопросу о заимствованиях в южнославянском эпосе // Там же. 1884. Т. 11. С. 99—113, 233—243.

⁵ Банашевич Н. 1) Циклус Марка Краљевића и одједи француско-талијанске витешке књижевности. Скопље, 1935. С. 79—83; 2) Je cycle de Kosovo et les chansons de geste // Revue des études slaves. 1926. Vol. 6. P. 224—242.

⁶ Жирмунский В. М. Эпическое творчество славянских народов и проблемы сравнительного изучения эпоса. С. 101.

⁷ Дашкевич Н. П. О былинах в южной Руси до половины XVII в. // Чтения в Историческом обществе Нестора летописца. 1888. Кн. 2. Отд. 1. С. 208 и след.

⁸ Лященко А. И. Былина о бое Ильи Муромца с сыном // Краткий отчет о деятельности Общества древней письменности и искусства за 1917—1923 гг. / («Памятники древней письменности и искусства». Т. 190). М., 1925. С. 60—61.

⁹ Квашнин-Самарин Н. Д. Новые источники для изучения русского эпоса // Русский вестник. 1874. Т. 13. № 9, 10. С. 1—44, 768—803.

Ф. И. Буслаев,¹⁰ В. Ф. Миллер,¹¹ А. В. Марков,¹² напротив, утверждали, что русский героический эпос в целом дошел до нас в осложненном виде рядом бытовых черт, переосмысленных временем, которые должны быть отнесены к разнообразным эпохам от XII до XVII в. В процессе сложения былин бытовые черты, по Маркову, играли «не первую роль», а потому на их основании невозможно «воспроизвести хоть сколько-нибудь определенную картину древнерусского быта».¹³

Что касается содержания былин, то оно в целом *вымышленное*, так как к первоначальной, исторической их основе «прибавлялись фантастические и романтические сюжеты, а потому русский былевой эпос, по мнению Маркова, «не содержит в себе повествования о фактах действительной жизни, но, как всякое поэтическое произведение, является результатом сложного исторического процесса. На сложение былин оказывали влияние не столько впечатления, вынесенные из действительного строя жизни и исторических событий, сколько разнообразные словесные произведения, устные и письменные. Слагатели не создавали былинных сюжетов, но только прикрепляли ходячие поэтические рассказы к определенной исторической обстановке; приемы изложения почерпывались также главным образом из обширного запаса общих мест народной поэзии».¹⁴

С одной стороны, А. В. Марков считал, что особый характер поэтического повествования былин дает «идеальные краски, типы, даже события», с другой — бытовые черты их нужно искать «в побочных обмолвках и тех частях описаний, на которых не сосредоточивается интерес рассказчика». Однако, по Маркову, эти соображения еще «не дают вполне надежного критерия для того, чтобы отличить эпические образы от бытовых черт, и таковым можно признать только соответствие былинных данных *историческим свидетельствам*».¹⁵ А посему, утверждая, что содержание былин в основе своей вымышленное, А. В. Марков, приступая к конкретному анализу того или иного эпического сюжета, активно включался в процесс поисков следов, свидетельствующих о месте и времени сложения былины.

Вопрос о национальной переработке сюжета о бое Ильи Муромца с сыном стал для А. В. Маркова приоритетным. Марков отвергает мнение Н. Д. Квашнина-Самарина и П. В. Владимирова,¹⁶ объясняющих начальный эпизод данной былины — существование пограничной богатырской заставы как южного степного укрепления времен князя Владимира, мнение, подтвержденное якобы летописными известиями о княжеских стоянках с полками в лето 1192—1193 гг. на границе с половецким полем. Эту точку зрения поддерживали также Л. Н. Майков, который рассматривал «сторожевые пограничные ставки X—XIV вв. как историческую основу эпической пограничной заставы», и А. И. Соболевский, усмотревший аналогичные древние заставы в Муромо-Рязанской земле на границе со степью.¹⁷

¹⁰ Буслаев Ф. И. Русский богатырский эпос // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. СПб., 1887. С. 133, 279 и др.

¹¹ Миллер В. Ф. Материалы по истории былинных сюжетов // Этнографическое обозрение. 1890. Кн. 5. № 2. С. 120—129.

¹² Марков А. В. К былине о бое Ильи Муромца с сыном // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 46. № 3. С. 73—96.

¹³ Марков А. В. Бытовые черты русских былин // Этнографическое обозрение. 1903. № 3. С. 42—43.

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Квашнин-Самарин Н. Д. Русские былины в историко-географическом отношении // Беседа. 1871. Т. V. С. 47—103; Владимирова В. П. Введение в историю русской словесности. Из лекций и исследований. Киев, 1896. С. 217, 221, 222.

¹⁷ Майков Л. Н. О былинах Владимирова цикла. СПб., 1863. С. 79; Соболевский А. И. О типе Ильи Муромца // Живая старина. 1892. Вып. 2. С. 121.

А. В. Марков, напротив, доказывал, что основной извод былины «Илья и Сокольник» возник в более позднюю эпоху и вовсе не в южнорусских степях. Приблизительное время и место возникновения «основного извода» данной былины А. В. Марков определяет, используя следующие доказательства. Прежде всего приурочение богатырской заставы к Киеву (а это большинство вариантов) представляется ему «слишком эпическим» для того, чтобы на него опираться. По мнению Маркова, «заставу во главе с Ильей Муромцем, исконным киевским богатырем, каждый певец легко мог перевести под Киев и даже поместить в Киеве или за три версты от города,¹⁸ что не имеет уже никакого смысла». ¹⁹ Застава на «Латынской (Латинской) дороге»,²⁰ то есть где-то между Киевом и Царьградом, по Маркову, подтверждается летописными свидетельствами XIII—первой половиной XIV в. и уводит действие былины уже в западнорусские земли. В летописях под 1535 г. упомянуто с. Латыгошево (предположительно Латышово, на юге Полоцка), что указывает, по-видимому, на прежнее название латышей — латыгоши. Имя матери Сокольника — баба Латыгорка (от лѣтъгола, то есть старинного наименования латышей)²¹ тоже как будто бы поддерживает версию Маркова. Другое распространенное имя матери нахвальщика — Семигорка,²² производное, по мнению Маркова, от Семигоры, села Киевской губернии, известного в XVI в., заставляет его искать летописные свидетельства среди древних литовских племен.

Имя сына Ильи Муромца — Сокольник объясняется Марковым как охотник за птицами, а Подсокольник оказывается производным от придворной должности подсокольничего. Ссылаясь на С. А. Беляева, Марков замечает, что частица «под» входила «в термины для обозначения многих придворных должностей в Литовском государстве: подскарбий, подкоморий, подчаший, подстолий».²³

Смягчая однозначность своего предположения, Марков замечает, что вряд ли следует говорить положительно в должностном смысле о Подсокольничке, так как «наличность в Литве самого названия подсокольничего подвержена сомнению; но вообще о важном положении сына Ильи можно судить по тому, что в некоторых пересказах он называется царевичем, королевичем или правителем какого-то приморского города».²⁴

Последовательный ряд рассуждений приводит А. В. Маркова к выводу о том, что поскольку в XV—XVI вв. часто упоминающиеся в летописях (под 1200, 1228, 1242, 1264, 1286 гг.) названия «лотыголы» исчезают, то и название «баба-Латыгорка» указывает скорее всего на XIII в.²⁵ Кроме того, именно к первой половине XIII в. относятся наиболее поздняя редакция древнегерманской песни о Гильденбранте и Гадубранте, а также скандинавские обработки того же сюжета в Тидрексаге. Именно в это время, по версии Маркова, «сюжет боя отца с сыном, обежавший Германию, Нидерланды, Данию и Скандинавский полуостров, проник в Полоцкую область и здесь с большою самостоятельностью (...) был обработан в местную былину, рисующую отношения русских с соседним литовским племенем».²⁶ Время возникновения русской былины о бое отца с сыном А. В. Марков связывает с последними годами самостоятельности Полоцкой области, то есть не ранее второй четверти XIII в.

¹⁸ Например: Григорьев, № 1; Рыбников I, № 75.

¹⁹ Марков А. В. К былине о бое Ильи Муромца с сыном // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 46. № 3. С. 77.

²⁰ Например: Гильфердинг, № 246, 250, 265.

²¹ Марков А. В. К былине о бое Ильи Муромца с сыном. С. 79.

²² Например: Рыбников II, № 349; Гильфердинг, № 114.

²³ Беляев С. А. История Полоцка. Киев, 1898. С. 356, 425, 442, 443. — «Соответственные русские должности были: ключник, постельничий, чашник и стольник» (Марков А. В. К былине о бое Ильи Муромца с сыном. С. 87).

²⁴ Марков А. В. К былине о бое Ильи Муромца с сыном. С. 87.

²⁵ Там же. С. 90.

²⁶ Там же. С. 92.

Стремясь подкрепить свою позицию о полоцком происхождении данного сюжета, А. В. Марков ссылается на статью акад. А. Н. Веселовского «Уголок русского эпоса в саге о Тидреке Бернском»,²⁷ который якобы в этом эпизоде саги видит отражения русских (полоцких, в частности) исторических отношений начала XIII в. А. В. Марков в значительной степени утрирует вывод А. Н. Веселовского, утверждая, что тот «вне всякого сомнения» склонен считать происхождение былины о бое Ильи Муромца с Сокольником полоцким и ее происхождение относит к первой половине XIII в.

Статья А. В. Маркова «К былине о бое Ильи Муромца с сыном» незамедлительно вызвала критический отклик В. Ф. Миллера.²⁸ В дальнейшем Миллер вернется к этому вопросу уже в 1910 г. в статье с аналогичным названием в связи со ставшими доступными новыми вариантами данной былины.²⁹

Вывод А. В. Маркова о полоцком происхождении сюжета русской былины требовал пристального рассмотрения, и В. Ф. Миллер шаг за шагом опровергает выводы Маркова. Прежде всего он показал, что исторические справки не дают фактически ничего для определения времени и места сложения былины. В былине богатырская застава могла быть не только литовской, но и татарской, а «по времени относиться к целому ряду столетий, не исключая даже XVII век».³⁰

Варианты в записи А. Ф. Гильфердинга (№ 246, 250, 265) с «латынской дорогой», на которые ссылается Марков, не относятся к числу лучших, а подчас и вовсе не внушают доверия: имя нахвальщика Апполонище или Алеша Дородович не характерны для большинства вариантов русских былин данного сюжета, Добрыня заменен Никитой Романовичем, бой между Ильей и «крестным сыном» не состоялся вовсе и пр. Все это, как считает В. Ф. Миллер, говорит о забвении основного извода былины. И если считать богатырскую заставу близ Киева, не дающую прямых географических указаний, то есть «слишком эпическим» моментом, то «латынская дорога» этих указаний дает не более, что, впрочем, совершенно закономерно для эпоса.

В былинах, как показал впоследствии Б. Н. Путилов, эпическое пространство как некая самостоятельная реальность — «вне событий, происходящих в эпическом мире, вне действий его персонажей — в эпосе не существует».³¹ Для эпоса «вымышленные и эмпирически достоверные элементы пространственно-континуума по существу равнозначны, поскольку они уравниваются функционально и эстетически и поскольку трактуются как одинаково достоверные, принадлежащие эпическому прошлому».³² В былине «Илья и Сокольник» при описании богатырской заставы панорама соединяет реально несовместимые ландшафты. «Из сопоставления вариантов явствует, что точность ориентирования ландшафтов по сторонам света относительна: ледяные горы могут помещаться и на западе, нет постоянного места и для моря. Море и поле вообще совмещаются и оказываются в соседстве по принципу эпического параллелизма».³³

С заставы Илья видит свою родную землю, Русскую землю, такую, какой она представляется в русском эпосе. При панорамном изображении «отпадает необходимость очертания границ, соблюдения масштабов и пространственных

²⁷ *Веселовский А. Н.* Уголок русского эпоса в саге о Тидреке Бернском // ЖМНП. 1896. Ч. 306. Август. Отд. II. С. 235—277.

²⁸ *Миллер В. Ф.* Материалы по истории былинных сюжетов // Этнографическое обозрение. 1900. Кн. 46. № 2. С. 120—129.

²⁹ *Миллер В. Ф.* К былине о бое Ильи Муромца с сыном // Очерки русской народной словесности. Былины. М., 1910. Т. II. С. 169—185.

³⁰ Там же. С. 170.

³¹ *Путилов Б. Н.* Героический эпос и действительность. Л., 1988. С. 18.

³² Там же. С. 19.

³³ Там же. С. 20.

соотношений», поскольку на первый план выступает «упорядоченный набор экспрессивно окрашенных полотен, последовательное выделение которых поддается художественными задачами повествования, а подробности вкуса и опытом певца».³⁴

Что же касается сопоставления литовских племен Лотыголы, Латыголы, Латыгоры, Зимиголы (Зимеголы) с именами былинной героини Латыгорки и Семигорки оно имело бы значение для установления хронологии былины лишь в том случае, если бы мы могли быть уверены, как пишет В. Ф. Миллер, что «это имя входило в основной извод былины. Но на такую уверенность не дают права наличные былинные факты: оно встречается только в записях, сделанных в Архангельской губернии»,³⁵ да и то далеко не во всех вариантах. Кроме того, нередки здесь искажения и замены: Сокольник, например, «поднимается от камня Латыря», где и есть его родина; иногда он приходит из-за синя моря или серого «горючего» камня и т. п.

Для сколько-нибудь определенных этнографических выводов ничего не дает и имя сына Ильи (Збут, Борис, Сокольник, Подсокольник, Апполонище и др.), которое, по признанию самого Маркова, носит «совершенно случайный характер».³⁶ Нет достаточных оснований утверждать и то, что литовская застава относится именно к XIII в., а не к более позднему времени.

Таким образом, вопрос о *западной* миграции сюжета и дальнейшего его приспособления на русской почве не выдерживает сколько-нибудь серьезной критики.

Прямо противоположную точку зрения, то есть гипотезу *восточного* заноса данного эпического сюжета на Русь, высказал В. Ф. Миллер. В «Экскурсах» 1892 г.³⁷ он привел многочисленные русские и персидские параллели, сопоставил азиатские и европейские версии сюжета о бое Ильи с сыном и пришел к выводу о том, что прямых совпадений оказалось слишком много, чтобы они могли считаться случайными. Коротко перечислим указанные Миллером аналогии. Прежде всего в русском, так же как и в иранском эпосах, отец и сын — главные фигуры народных сказаний. В обоих эпосах богатырь, покидающий женщину, оставляет перстень на случай рождения сына, по которому он мог бы узнать его впоследствии. Рождается ребенок необычайной силы, в двенадцать (с вариантами) лет он покидает мать, чтобы вступить в бой с отцом. Главной битве отца с сыном предшествует сражение с другими богатырями. Победу в том и другом эпосах сначала одерживает сын, а после молитвы силы прибывают к отцу, и он оказывается победителем. Трагическая развязка характерна как для русской, так и для иранской эпической песни.

В 1910 г. в статье, напечатанной в «Очерках русской народной словесности», В. Ф. Миллер высказал уже куда более осторожное, чем ранее, мнение по поводу анализируемого им сюжета. Спустя восемь лет вопрос о миграции сказаний представлялся ему «делом гораздо более сложным», чем прежде, а результаты подобных изысканий «весьма гадательными».³⁸ Теперь, несмотря на обилие внешних совпадений, прямой перенос (безразлично западный или восточный) казался Миллеру делом сложнодоказуемым и в целом маловероятным.

Драматический рассказ о бое отца с сыном, о котором он узнает только в процессе битвы, известный на Западе и Востоке, закреплённый в ряде литературных обработок, имел множество вариаций. Основная тема «видоизменилась в подробностях, то обогащаясь новыми деталями (например, о матери богатыр-

³⁴ Там же. С. 20—21.

³⁵ Миллер В. Ф. К былине о бое Ильи Муромца с сыном // Очерки русской народной словесности. С. 176.

³⁶ Марков А. В. К былине о бое Ильи Муромца с сыном. С. 87.

³⁷ Миллер В. Ф. Экскурсы в области русского народного эпоса. М., 1892. С. 150.

³⁸ Миллер В. Ф. К былине о бое Ильи Муромца с сыном // Очерки русской народной словесности. С. 181.

ского сына, о его детстве, об обстоятельствах встречи с отцом и пр.), то, напротив, теряла при менее обстоятельной устной передаче ту или другую деталь».³⁹

Русская версия былины, в отличие от всех прочих представляющая сына хитрым и коварным злодеем, имеет, кажется, достаточно мотивов для расплаты отца с сыном. В этом, по Миллеру, и «заключается основная идея русской переработки сюжета, сделанной каким-нибудь старинным сказителем при прикреплении бродячей фабулы к эпической биографии Ильи».⁴⁰

Основной вывод В. Ф. Миллера 1910 г. сводится к невозможности определить точное время этой переработки. Она могла произойти и в XIII в., как предполагал Марков, и значительно позже. «Ни одной черты, несомненно внесенной в XIII в.», утверждал Миллер, мы не можем указать, а те «немногие бытовые или исторические черты (в именах матери и сына), которые встречаются в отдельных вариантах, относятся, по-видимому, к более позднему времени, к XVI, XVII веку, к периоду Грозного и смуты».⁴¹ Иными словами, все попытки приурочить основной извод данной былины к точному времени или месту представлялись Миллеру неубедительными. Проблема происхождения сюжета былины «Илья и Сокольник» в начале XX в. по-прежнему оставалась нерешенной. В 1947 г. С. А. Авижанской была защищена кандидатская диссертация, в основе которой по-прежнему стоял вопрос генезиса данного сюжета.

Опираясь на мысль Ф. И. Буслаева о том, что истоки данного сюжета коренятся в социальных отношениях, С. А. Авижанская утверждала, что несмотря на то, что в реальной истории могло и не быть воинского столкновения отца и сына, но существовали определенные социальные условия, которые способны были породить подобный сюжет.

Мысль об отыскании корней сюжета былины «Илья и Сокольник» в истории семьи и брака была подсказана ей английским исследователем Д. Поттером. Согласно эволюционной концепции Поттера сюжет о бое между отцом и сыном мог зародиться только на переходной стадии от матриархата к патриархату, так как в настоящем сюжете очевидны следы обеих этих социальных формаций. Для Авижанской в вопросе создания данного эпического сюжета особенно важным был момент «наличия противоположных элементов, то есть момент внутреннего противоречия, являющийся движущей силой сюжета».⁴²

Концепцию определения происхождения данного эпического сюжета, основанную сугубо на социальных отношениях, Авижанская строит на изучении четырех основных мотивов русской былины: мотива брака, воспитания ребенка, богатырской заставы и собственно вооруженного столкновения между отцом и сыном. В качестве основных черт брака Ильи и Латыгорки, по мнению Авижанской, «выступают экзогамность, матриликальность, матрилинейность, временность»,⁴³ то есть с этнографической точки зрения все признаки материнского рода.

Однако в былине постоянно подчеркивается «незаконность» сына, что противоречит понятиям матриархата, где дети, не знающие своего отца, — понятие нормальное и вполне законное. Из подобных рассуждений С. А. Авижанская делает вывод, что «в сюжете брак материнского рода помещен в условия *более поздней* общественной формации, в которых он оказывается „незаконным“, так как противоречит существующей брачной норме».⁴⁴ Именно «незаконность» Сокольника и является *движущей силой сюжета*. Стремление «узаконить» свое положение побуждает Сокольника выехать на поиски отца, «как

³⁹ Там же. С. 182.

⁴⁰ Там же. С. 184.

⁴¹ Там же. С. 185.

⁴² *Авижанская С. А.* Бой отца с сыном в русском эпосе // Вестник ленинградского университета. 1947. № 3. С. 143.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

говорится в былине, „отыскать себе роду-племени”, получить признание отца. Как будто бы потенциально возможен благополучный исход: сын находит отца и получает признание». ⁴⁵ Но в действительности это невозможно, так как по законам общества, в котором господствует отцовское право, ребенок, рожденный вне «законного» брака, не может быть «узаконен». Поэтому сын «никогда не требует от отца признания, но лишь стремится отомстить ему за свой позор. Непреодолимое стремление к мести ведет к роковому бою и неизбежной смерти Сокольника от руки отца». ⁴⁶

Предпринятый С. А. Авижанской анализ двух других мотивов сюжета — богатырской заставы и боя — должен был показать, что сюжет былины, зародившийся на стадии развитого отцовского рода, полностью оформляется в период начала государственности. Выводы, сделанные на основании изучения русской версии, вполне приложимы также к обработкам сюжета у других народов. При сравнении международных версий с русской былиной оказалось, что русская обработка *древнее*, прочие же иноязычные материалы дают нам картину «постепенного затемнения основного смысла сюжета о человеке, самим фактором своего рождения обреченного на конфликт со средой и на гибель». ⁴⁷

Позицию С. А. Авижанской в целом поддержал В. Я. Пропп, который рассматривал этот сюжет уже на анализе большего числа вариантов (75 против 58). Пропп считал, что именно русский материал дает нам «наиболее сложную и совершенную форму сюжета», ⁴⁸ которая в настоящем ее виде абсолютно национальна и не принадлежит другим народам. В. Я. Пропп так же, как и С. А. Авижанская, утверждал, что сходство сюжета о «Илье и Сокольнике» с аналогичными сюжетами других народов объясняется не заимствованием, а что оно «исторически закономерно вытекает из противоречия двух эпох и эпохи рода отцовского», ⁴⁹ породившего основной конфликт и трагический исход сюжета.

В процессе исторической трансформации изменились и основные акценты — частная семейная драма была заменена государственной (нахвалящик в более позднее время развития сюжета становится врагом Руси, нарушителем границ Киевского государства). Данная перекодировка и стала единственным условием сохранения и долгой жизни сюжета.

Подобное толкование смысла сюжета былины «Илья и Сокольник», его генезиса и эволюции было бы вполне объяснимо и оправдано, если бы ни новейшие исторические исследования, которые ставят под сомнение бывшее гипотетическое существование матриархата как системы. Не будем вдаваться в подробности и присоединяться к той или иной гипотезе. Важно другое — историческая наука не стоит на месте. Большие успехи были достигнуты в славяно-русской археологии, в руках исследователей оказался громадный сравнительно-исторический материал по изучению архаических обществ народов мира, были открыты новые данные, ставшие историческим источником, — берестяные грамоты. Все это и многое другое позволило по-новому взглянуть на прежние исторические концепции, Киевской Руси в частности. ⁵⁰ Эпическая ис-

⁴⁵ Добавим, что благополучный исход возможен в былинах.

⁴⁶ *Авижанская С. А.* Бой отца с сыном в русском эпосе. С. 143.

⁴⁷ Там же. С. 144.

⁴⁸ *Пропп В. Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 261.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Новое прочтение истории Киевской Руси, отличное от господствующей концепции Б. Д. Грекова, см. в работах И. Я. Фроянова: *Фроянов И. Я.* 1). Киевская Русь. Очерки социально-экономической истории. Л., 1974; 2) Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. — Фроянов, основываясь на новейших исторических данных, утверждает, что Киевская Русь «переживала тот самый „дофеодальный период”, который следует понимать как переходную стадию развития от родо-племенного строя к раннефеодальному. Несмотря на неоднородность и ранжированность древнерусского общества, типичной чертой его являлась общинность без первобытности и вытекающий из нее общинный демократизм. На-

тория существует «не в отвлечении от сюжета, а внутри него, в его глубинной семантике и связях с традицией».⁵¹

Новый взгляд на ход исторического развития средневековой Руси позволяет по-новому решать вопрос и об историзме былин, о соотношении эпических песен с действительностью. Стройная, логически выдержанная гипотеза с привлечением новых исторических данных способна в одночасье разрушиться у нас на глазах. Не случайно В. Я. Пропп в отличие от своих предшественников не занимался датировками былин, «считая саму постановку вопроса о датировках сюжетов методологической ошибкой исторической школы».⁵² История — это процесс, в былинах он «отражен как таковой, но не в научной логической, а в художественной форме и, в частности, в форме поэтического вымысла».⁵³ Эпос не отражает прямо и непосредственно этнографический субстрат. Исторический смысл былинного мотива, не отрываясь от общей этнографической основы, «воплощается в этнографических формах эпически преобразованного мифа. Мышление эпическое базируется на мифологии и исходит из нее как из предварительной идеологической предпосылки. Сам эпос тем не менее переступает границы мифологии и идет дальше, хотя в своих построениях постоянно оглядывается на мифологию, применяя выработанные ею понятия и формы. Таким образом, этнографические формы эпоса должны быть прослежены в их эпической, выходящей за пределы мифологии трансформации».⁵⁴ Законы рождения эпического произведения, стало быть, иные, а значит, и путь его исследования должен быть другим.

Этот путь был указан А. Н. Веселовским, и основан он на структурном анализе эпических сюжетов. А. Н. Веселовский в статье «Из лекций по истории эпоса» (1884 г.) поставил вопрос: почему в истории литературы «мы замечаем известного рода течения, известного рода любовь к тому или другому сюжету, который часто исчезает впоследствии».⁵⁵ Так, в XVI в. неожиданно всплывает на поверхность евангельская притча о блудном сыне, она «становится модной и дает материал для памфлетов, повестей, драм и т. д.». Очевидно, продолжает Веселовский, «эта мода имела свои причины, и действительно она была результатом душевной борьбы, наполнявшей общество XVI века, когда старые идеи встретились с новыми, повеявшими с итальянского юга».⁵⁶ Аналогичные явления встречаются и в области народного эпоса. Здесь есть ряд излюбленных тем, таких как бой отца с неузнанным сыном, встреча брата и сестры и пр. И тут, по

ряду с этим в Киевской Руси сохранились остаточные явления родового строя. Особенно они ощутимы были в сфере религии и общественного сознания» (*Фроянов И. Я.* Об исторических основах былевого эпоса // *Фроянов И. Я., Юдин Ю. И.* Былинная история. СПб., 1997. С. 18). Подобный взгляд на Киевскую Русь открывает, по мнению указанных авторов, «новые перспективы в исследовании историзма былин» (*Фроянов И. Я., Юдин Ю. И.* Старинная история // *Былинная история.* СПб., 1997, С. 224). Далее В. Я. Пропп, — пишут авторы данной статьи, «не сумел правильно оценить элементы родоплеменного эпоса, зримо выступающие в русских былинах» (с. 19). Признание определенной связи эпоса с родовой идеологией, по мнению авторов статьи «Старинная история», «делает далеко не обязательной мысль В. Я. Проппа о том, что возникновение былинного жанра имеет место непременно в условиях разложения рода. Эпос, по-нашему мнению, рождается несколько раньше, когда процесс распада еще не затронул родоплеменное общество. Точно датировать его появление, конечно, невозможно. Но скорее всего это произошло в эпоху наивысшего подъема родоплеменных отношений» (с. 225).

⁵¹ Путилов Б. Н. Эскурсы в историю и теорию славянского эпоса. СПб., 1999. С. 28.

⁵² *Фроянов И. Я., Юдин Ю. И.* По поводу одной концепции историзма былин в новейшей советской историографии // *Фроянов И. Я., Юдин Ю. И.* Былинная история. СПб., 1997. С. 60.

⁵³ *Фроянов И. Я., Юдин Ю. И.* Исторические реальности и былинная фантазия // Там же. С. 80.

⁵⁴ *Фроянов И. Я., Юдин Ю. М.* Об исторических основах русского былевого эпоса // Там же. С. 26.

⁵⁵ *Веселовский А. Н.* Из лекций по истории эпоса. Раздел 2. Сказочные схемы // Историческая поэтика. Редакция, вступ. статья и примеч. В. М. Жирмунского. Л., 1940. С. 454.

⁵⁶ Там же.

словам Веселовского, «мы имеем дело с отражением эпохи, той эпохи, когда народные брожения разделяли родичей».⁵⁷

Кажется, что А. Н. Веселовский в объяснении происхождения того или иного эпического сюжета видит прежде всего социальный момент, но, фиксируя это, мысль его движется в ином направлении. Веселовский задумывается над вопросом: если личный поэт входит «в известное течение идей», то почему в большинстве случаев «его творчество сводится к сознательному или бессознательному комбинированию старых схем и простейших сюжетов»? Если свести в группы сюжеты мифа, сказки, средневековых эпических поэм, русских былин и т. д., то в результате получится нечто крайне *ограниченное*, получится материал далеко не богатый, а между тем в этих-то немногих группах и *коренится* все поразительное богатство сказок, объясняющееся простой комбинацией знакомых, простейших сюжетов. Было бы интересно, — продолжает Веселовский, — сделать *морфологию* сказки и проследить ее развитие от простейших сказочных моментов до их наиболее сложной комбинации. Тогда бы мы узнали, что чем древнее сказка, тем проще ее схема, и чем новее, тем более она усложняется».⁵⁸

Таким образом, именно структурный анализ должен стать надежным источником в определении сути, основного смысла сказки, былины и некоторых других произведений фольклора.

Перед исследователями народного эпоса не раз возникала «заманчивая», но «труднодостижимая» цель: «с помощью содержания передаваемых из поколения в поколение песен осуществить анализ компонентов древнейшей формы эпоса и затем сконструировать его историю».⁵⁹ Подробно анализируя диссертацию В. Воллнера,⁶⁰ в которой он рассматривает сюжетный состав и генезис докиевского и киевского циклов русских былин, А. Н. Веселовский, по достоинству оценивая многие положения этого труда, выражает свое решительное несогласие с теорией «типических» и «переменных» мест былин. Здесь Воллнер не был оригинальным, он шел за В. В. Стасовым⁶¹ и А. Ф. Гильфердингом.⁶² «Следуя за Гильфердингом, — пишет Веселовский, — г-н Воллнер стремится выделить в каждой былине две составные части: „типическую“, в большинстве случаев — это описания и речи героев, и „переменную, переходную“, которая соединяет типические места и передает ход событий. Типическую часть певец заучивал наизусть, ничего не переделывая; что касается второй части, то он запоминал только фабулу и менял местами стихи и даже выражения в них по своему усмотрению, добавляя или пропуская, как ему нравилось».⁶³ В «типических местах» Гильфердинг и Воллнер видели «следы первичного содержания». Веселовский выразил свое решительное несогласие с отождествлением понятия типических мест (повторяющиеся «описания», «характеристики» «речи героев») с содержанием былины. Эпическая песня опирается прежде всего на действие. «Если бы в былине элемент действия был бы „переменным, переход-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ *Веселовский А. Н.* Из лекций по истории эпоса... С. 455.

⁵⁹ *Веселовский А. Н.* Die neueren Forschungen an dem Gebiete der russischen Volkspoesie. Zweiter Artikel. Ein deutsches Werk über die russischen Bylinen. (Новые исследования в области русской народной поэзии. Статья вторая. Немецкий труд о русских былинах) // *Веселовский А. Н.* Работы о фольклоре на немецком языке (1873—1894): Тексты. Опыт параллельного перевода. Комментарии. М., 2004. С. 297.

⁶⁰ *Wollner W.* Untersuchungen über die Volksepik der Großrussen. Leipzig, 1879. — См.: *Веселовский А. Н.* Работы о фольклоре на немецком языке (1873—1894): Тексты. Опыт параллельного перевода. Комментарии. С. 459—460.

⁶¹ *Стасов В. В.* Происхождение русских былин. М., 1868.

⁶² *Гильфердинг А. Ф.* Олонецкая губерния и ее народные рапсоды. М., 1872.

⁶³ *Веселовский А. Н.* Die neueren Forschungen an dem Gebiete der russischen Volkspoesie. Zweiter Artikel. Ein deutsches Werk über die russischen Bylinen. (Новые исследования в области русской народной поэзии. Статья вторая. Немецкий труд о русских былинах). С. 297.

ным”, как утверждают Гильфердинг и Воллнер, то мы смогли бы спокойно сложить наше оружие, поскольку посредством *этого* нечего было бы и думать о продвижении к более древнему составу эпоса. „Типические места” могут в лучшем случае дать нам представление о поэтике эпоса: как народ изображал своих героев, своих князей, ход борьбы и т. д. Другими словами — о предмете, который имеет отношение к эпическому действию, но ни в коем случае не идентифицируется с ним. Итак, „типические места” в качестве критического средства не подходят. То же самое можно сказать о теории „типических характеров”, которая недавно была предложена для этой же цели.⁶⁴ Веселовский не просто поставил теорию «типических и переменных мест» с головы на ноги, но и попытался реконструировать былинку о бое Ильи с сыном, где под содержанием вариантов он понимал то, что Воллнер называл «переменной» частью былин.⁶⁵

Девятую главу «Южнорусских былин» А. Н. Веселовский посвятил сюжету о бое Ильи Муромца с сыном.⁶⁶ Перед автором встал вопрос: насколько древним может считаться этот сюжет?

Сюжет о встрече на поле боя богатыря с сыном, как уже говорилось, не единичен в русском эпосе, но только с именем Ильи Муромца «он является разработанным в надлежащей эпической полноте, в цикле песен, которые тем интереснее изучать, чем труднее приурочить их к песенной биографии Ильи в дошедшем до нас составе».⁶⁷ А. Н. Веселовского интересовал вопрос, «принадлежит ли весь этот эпизод к древнему составу песен об Илье или введен в него позднее».⁶⁸ Ответ на этот вопрос А. Н. Веселовский предполагал получить, уже не опираясь только на социальные источники, а с помощью изучения структуры былин, то есть разложения этого былинного сюжета по составу. Он выделил несколько структурных групп и приступил к их анализу.

Первая группа былин данного сюжета открывается сценой богатырской заставы: тридцать русских богатырей стоят на страже Киева. Атаманом у них — Илья Муромец (Печора, 1, № 67).⁶⁹

Кабы жили на за́ставы бога́тыри,
Недалёко от города — за двенадцать верст,
Кабы жили они да тут пятнадцать лет,
Кабы тридцать-то их было да со богатырём,
Не видали не конного, не пешого,
Не прохожого они тут, не проежжого,
Да не серой тут волк не прорыскивал,
Не ясен сокол не пролётывал,
Да не руськой богатырь не проеживал.

(Печора, 1, № 67^H).

В вариантах действие происходит на Днепр-реке, Сафат- или Евфрат-реке, Сахатар-реке и пр. Тишину богатырской заставы нарушает молодой богатырь, который чаще всего назван Сокольниковом, Подсокольниковом, а также Борисом, Борисом Козловым, Збутом и пр.

⁶⁴ Там же. С. 299.

⁶⁵ Там же. С. 309 и след.

⁶⁶ *Веселовский А. Н.* Южнорусские былины. С. 307—339 (гл. IX. Бой Ильи Муромца с сыном. С. 307—309).

⁶⁷ Там же. С. 307.

⁶⁸ Там же. С. 309.

⁶⁹ Былины Печоры. СПб.; М., 2001. Т. 1 // Свод русского фольклора. Былины в 25 томах. — В дальнейшем в тексте: Печора, №. Былина о гибели богатырей тоже открывается заставой (например, Кир. IV. С. 108—115), в сводной былинке «Святогор» (Гильф. № 265 и др.).

Едет молодец на добром коне,
 На правом плече везет ясна сокола,
 На левом плече везет бела кречета,
 У стремени прикована змея Горынская.⁷⁰

В бой с нахвальщиком вступают сначала Алеша Попович, потом Добрыня и последним Илья Муромец. В процессе боя, который идет с переменным успехом, Илья узнает в богатыре сына, вспоминает его мать и отпускает его с миром. Молодец, однако, возвращается, нападает на спящего Илью и пытается его убить, но попадает в нательный крест. Илья убивает недостойного сына. Исключения составляют достаточно редкие варианты с благополучным концом (например, Кир. VII. Приложение № 1).

Во *вторую* группу А. Н. Веселовский объединяет варианты, где мотив заставы не встречается или упомянут вскользь: Илья и Добрыня едут из Киева на Фавор-гору (Софат-гору), раскладывают на ночь шатер, и тут Добрыня сообщает, что к ним приближается незнакомый молодец.

Его храбра поездка молодецкая,
 Пскопыти у коня метано
 По целой овчины по барановой,
 У коня изо рта пламя пышетъ,
 Из ушей у коня кудрев дым валит;
 Из-подь стремени борзой выжлец выскакивает,
 У молодца с плеча на плечо ясен сокол перелетывает;
 Едит молодец, сам тешится,
 Шибаёт палицу под облака,
 Назад он ее подхватывает.⁷¹

Илья едет навстречу непрошеному гостю, вступает с ним в бой и узнает историю своего рождения. Богатырь называется Сокольников, Васькой, Бориской, Збутом или Апполонищем. Последнее имя Веселовский считает заимствованием из русской сказки, где упомянут Апполлон-вор.⁷² Илья отпускает поленицу к матери (Авдотье Горынчанки, бабе Горынинке, Златогорке, девке Северьяничне и пр.). Мать рассказывает сыну об его отце, и тот решает отомстить отцу за позор его матери. Сокольник возвращается, чтобы убить Илью.

Эпизод первой встречи Ильи Муромца с богатыркой-поленицей рассказан или как *прямое действие*, или как *подтекст*. Илья отдает ей перстень и наказывает, если родится дочь — передать ей его в приданое, если родится добрый молодец, то благословить его «дорогим перстеном», дать ему добра коня и, отпуская в чисто поле, наказать: если увидит в чистом поле старого, то пусть ему поклонится.

Илья, узнав в нахвальщике сына, целует его и отпускает к матери. Сын убивает мать и возвращается, чтобы убить отца. Финал всегда трагический.

В *третьей* группе текстов из-за «синя моря» приезжает молодой Солóвник (или Солóвников), иногда татарин и вызывает поединщика. Илья выступает против вражеского богатыря, трижды бьет его палицей по голове, но тот не шелохнется. Илья предлагает рукопашный бой, побеждает его, валит на землю, но, прежде чем убить, выспрашивает его о роде-племени. Илья узнает в нем сына, вспоминает его мать и отпускает его. Соловник возвращается и хитростью пытается убить спящего отца. Заключительный эпизод кончается гибелью сына. Мирный исход исключительно редок и принадлежит личной или поздней переделке.

⁷⁰ Кир. IV. № 3. С. 12—18.

⁷¹ Рыбников П. Н. Собрание песен. В 3 томах / Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1991. Т. 3. № 14.

⁷² Худяков И. А. Великорусские сказки. М.; Л., 1964. № 35.

Сюжет былины об Илье и Сокольнике сопоставляется Веселовским с древне-немецкой песней VIII в. о Гильденбранте и Гадубранте. Здесь тот же эпизод встречи на поле брани отца и сына и выяснение о родных, но исход битвы в немецкой вариации неизвестен, так как песнь дошла до нас без окончания. Песнь кончается, вероятнее всего, гибелью сына. Веселовский заключает это из того, что имя Гадубранта не упоминается более в немецком эпосе. Пересказ эпизода из Тидрексаги, приведенный Веселовским в подлиннике,⁷³ имеет счастливое, примеряющее окончание сюжета: отец и сын узнают друг друга и возвращаются к жене и матери.

Разложив таким образом варианты былины по составу, А. Н. Веселовский пришел к выводу, что древнейший тип былины сохранился лишь во *второй* группе вариантов. Доказательством тому служит прежде всего отсутствие Киевского приурочения: Илья *случайно* наезжает на Сокольника. В более позднем типе сюжета (*первая* группа) застава расположена вблизи Киева и Сокольник *сам* ищет встречи с Ильей, он враг Руси. Здесь прямая аналогия с заставой в песне о гибели богатырей на Руси. Веселовский допускает даже для первой группы влияние ее запева на начальную сцену былины о бое Ильи с сыном.

В *первой* и *третьей* группах вариантов, выделенных Веселовским, мать указывает сыну, что победивший его старый богатырь — это и есть отец, и даже просит поклониться Илье, если встретит его в поле. Мотив мести и убийства матери отсутствует.

Что касается генеалогической связи имен, то Веселовский в отличие от А. В. Маркова, В. Ф. Миллера и других исследователей не берет на себя смелость сделать какие-либо прямые заключения.

По тому же пути исследования сюжета, что и А. Н. Веселовский, пошел Б. Н. Путилов. Однако он сделал основной акцент уже на роли подтекста и второго сюжетного плана в развитии сюжета,⁷⁴ потому что их наличие, отсутствие или прямая передача указывают на сохранение или утрату изначального глубинного смысла эпического сюжета.

Особые качества былинного сюжета представляет собой его поразительная устойчивость («художественно-семантическая многомерность», по терминологии Путилова), что связано с типологией традиционных связей. В эпическом тексте далеко не все находит свое объяснение, поступки и действия героев не всегда мотивированы, потому что выяснение причинно-следственных связей не характерно как для эпоса, так и для фольклора в целом. Эпический текст двуплановый. Один план явный, поверхностный, видимый, другой — «имплицитный», незримо присутствующий, не описываемый, но тем не менее действующий. Именно этот глубинный план и «составляет основной семантический пласт эпоса, мир его мотивировок, причинных связей, его корневую систему».⁷⁵ Таким образом, «многомерность» эпических сюжетов связана с подтекстом. *Подтекст* Б. Н. Путилов определяет как «скрытую типовую мотивировку, объясняющую тот или иной поступок персонажа, то или иное действие, как скрытый, но объективно существующий смысл событий, коллизий, конфликтов».⁷⁶ Подтекст, заданный традицией, «не поддается никаким рациональным толкованиям, рациональным развязкам».⁷⁷

⁷³ Веселовский А. Н. Южнорусские былины. С. 330—333.

⁷⁴ Путилов Б. Н. 1) Сюжетная замкнутость и второй сюжетный план в славянском эпосе // Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 79—84; 2) Об эпическом подтексте (на материале былин и юнацких песен) // Славянский фольклор. М., 1972.

⁷⁵ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. С. 176.

⁷⁶ Там же. С. 177.

⁷⁷ Путилов Б. Н. Теоретические проблемы современной фольклористики. СПб., 2006. С. 245. — См. также: Путилов Б. Н. Об эпическом подтексте. (На материале былин и юнацких песен). С. 3—17; Юдин Ю. И. Интерпретация былинного сюжета. (К методике обнаружения эпического подтекста) // Методы изучения фольклора: Сб. научных трудов / Ленингр. гос. ин-т театра, музыки и кинематографии. Л., 1983. С. 146—153.

Подтекст возникает в сюжете в момент «критических ситуаций», поворотных, решающих поступков героев. Почему это происходит именно так, Б. Н. Путилов объясняет следующим образом: «... узловые ситуации, действия героев в эпических песнях носят характер типовых, формульных, многократно повторенных в разных произведениях мотивов, и сам подтекст — как бы ни был связан с конкретностью данного повествования — отливается в некий стереотип. Подтекст ведет нас к общим формулам эпических отношений, он обнаруживает эпическую логику, норму в поведении героев, кажущемся нелогичным; выявляет закономерность того, что виделось случайным и странным, внутреннюю обусловленность того, что представлялось вызванным лишь моментным импульсом; раскрывает эпическую запрограммированность судьбы героя, преуказанность и неотвратимость его подвига».⁷⁸

Грань между подтекстом и *вторым сюжетным планом* очень зыбкая, но тем не менее Б. Н. Путилов выделяет эти закономерности как самостоятельные. Подтекст не полностью сохраняет семантические связи с традицией. Между тем «в классическом эпосе наблюдается тенденция к сохранению традиции в ее собственных формах — в виде раздробленных „осколков“, мотивов, кажущихся в данном сюжетном контексте малооправданными, в виде деталей повествования, наличие которых не поддается объяснению. Эти сюжетные следы образуют в русле основного повествования некую „побочную“ струю, которая частично с ним корреспондирует, частично же противостоит ему. Следы могут составить некоторое целое и, будучи спроецированы на какую-либо предшествующую традицию, обрести свое значение в качестве второго сюжетного плана».⁷⁹

Эти ясно выраженные в тексте следы традиции, правильно прочитанные, дают возможность углубить, обогатить основной смысл повествования. Главная особенность различий между основным повествованием и вторым сюжетным планом — «в исторической дистанции»: «составляя внутреннее единое (и противоречивое) целое, они в то же время живут как бы в разных измерениях, в то время как прямое повествование в доминанте своей выражает „последнее слово“ эпического сознания в его движении, второй сюжетный план тяготеет к архаике».⁸⁰ В былине «Илья и Сокольник» именно благодаря наличию второго сюжетного плана мы узнаем, какое значение в судьбе Ильи сыграла женщина-богатырка. Ослабление второго сюжетного плана в классическом эпосе приводит к потере изначально присущей ему глубины семантики, к упрощению смысла.

Рассматривая структурный состав сюжета о бое отца с сыном, Б. Н. Путилов выделил три основных типа изучаемого сюжета, найдя в них различия как внешнего, так и внутреннего порядка. Внешние различия связаны с наличием или отсутствием определенных сюжетных черт, внутренние — характеризуют соотношение предыстории сюжета (второго сюжетного плана) и собственно сюжета.

В основную группу вариантов с архаической коллизией Путилов отнес тексты, где предыстория составляет обязательный элемент и где, следовательно, «вопрос о соотношении второго сюжетного плана и прямого повествования оказывается совершенно неизбежным».⁸¹

Во вторую группу вариантов попали тексты, где события рассказаны «от Сокольника», и Путилов посчитал их вторичными по отношению к «исходному» первому типу.

Третий тип — это наиболее поздняя разработка сюжета, где налицо *сознательное* стремление сказителя раскрыть подтекст, то есть объяснить предысторию взаимоотношений Ильи и Златогорки, показать, каким образом у

⁷⁸ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. С. 177.

⁷⁹ Там же. С. 193.

⁸⁰ Там же. С. 193—194.

⁸¹ Там же. С. 194.

Илья появился сын. Второй сюжетный план заменен здесь *прямым повествованием*.

Подтекст и второй сюжетный план сохраняются в эпическом произведении потому, что в них продолжает жить *традиция*, которая существует независимо от новой художественно реальности. Обе выявленные Б. Н. Путиловым закономерности представляют собой «материализованное в специфических формах выражение связи данного эпического сюжета с его прошлым. Вне такой связи сюжет становится однолинейным».⁸²

Сейчас, располагая большим количеством вариантов, мы можем показать более дробную структурную характеристику былины, связанную прежде всего с процессом затухания традиции и постепенным разрушением сюжета.

Печорские варианты, как правило, дают традиционное развитие сюжета: богатырская застава, Сокольник ищет встречи с Ильей, бой отца и сына, выяснение родо-племен, Илья с миром отпускает сына, тот убивает мать, а вернувшись, нападает на спящего отца. Финал былины трагический. На Кулой (№ 25) встречается своеобразный финал: Сокольник убивает мать, сам бросается на булатный нож и погибает.

В северных былинах (Печора, № 72^н; Мезень 3, № 84, 85; Кулой, № 26 и др.) в единичных случаях тоже известно счастливое окончание сюжета, связанное с примирением отца и сына. Характерно также, что весьма значительное число былин данного сюжета оказывается незавершенным, их финал неизвестен.

Мезенские, Пудожские, Кулойские и Пинежские варианты былины в своем значительном числе имеют уже разрушенную структуру: былина *начинается* с истории взаимоотношений Ильи и женщины-поленицы или с момента рождения сына (например, Мезень 3, № 79—81; Пинега, № 20, 21; Кулой, № 23—26 и др.), то есть сознательно раскрывается история, ранее сохранявшаяся лишь в подтексте. Пудожские варианты пропускают историю Ильи и Златогорки и имеют иное постоянное начало: Сокольник наезжает на Киев и кличет поединщика (Пудога, № 18, 19, 50 и др.). То же начало по существу сохраняется и в № 175, где былина открывается пиром у князя Владимира, то есть обычным началом для множества былинных сюжетов, но совсем нехарактерным для сюжета о бое отца с сыном. Однако это только видимое отступление: ночью князь Владимир слышит, что кто-то зовет поединщика. Илья едет навстречу незнакомцу.

Все отмеченные несоответствия и изменения не случайны, так как в тех случаях, когда подтекст ослабевает и размывается, когда ослабевают внесюжетные связи со вторым планом, тогда в былине появляются прямолинейность и «логические (бытовые, житейские, рациональные) мотивировки», теряется глубина сюжета, при этом неизбежно отдельные традиционные части сюжета «крошатся, искажаются, былина оказывается недопетой, в ней появляются пропуски, путаница и т. д.».⁸³

Поскольку доисторическая основа сюжета в Киевской Руси была переосмыслена, то трагедия сына, брошенного своим отцом, былинного певца уже не интересует, и он сознательно делает все, чтобы «изобразить Сокольника безнравственным, а Илью героем».⁸⁴

Приведем несколько соответствующих, весьма характерных примеров. Все отчетливее проявляется в текстах былин поздней записи агрессивность и коварство сына.

Сокольник приближается к Киеву, «едёт детина да похваляетцё»:

«Уж я еду к вам да в стольней Киев-град,
Я шуметь-грометь да в стольнем Киеве,

⁸² Там же. С. 178.

⁸³ Там же. С. 179.

⁸⁴ Протт В. Я. Русский героический эпос. С. 262—263.

ского уровня, каким непрямым путем вычленяется актуальное историческое содержание из обширного запаса традиционных мотивов путем их трансформации».⁸⁵

Рассмотрение структурных типов настоящего сюжета в его трансформациях приводит в выводу о том, что эпическая традиция живет и действует не только в определенных текстах, но и за их пределами, то есть в эпической памяти певцов, в эпическом сознании. При этом она далеко не всегда материализуется, часто оставаясь скрытой. Пока латентные⁸⁶ формы крепки, имеют прочные корни в эпическом сознании, до тех пор, по словам Б. Н. Путилова, можно говорить об эпическом творчестве как естественном процессе. С нарушением и распадом этих форм происходят кризисные явления, и эпическое творчество приобретает иной характер,⁸⁷ в чем мы имели возможность убедиться на примере некоторых поздних⁸⁸ разработок былины «Илья и Сокольник».

⁸⁵ Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Отражение социальной борьбы в русских героических былинах // Фроянов И. Я., Юдин Ю. И. Былинная история. СПб., 1997. С. 28.

⁸⁶ К латентным формам эпической традиции Б. Н. Путилов относит прежде всего подтекст и внесюжетные связи со вторым планом в былине.

⁸⁷ Путилов Б. Н. Героический эпос и действительность. С. 197.

⁸⁸ «Поздние» не по времени записи, а по степени сохранности сюжета.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архив КФАН	— Архив Карельского филиала Академии наук России.
Афанасьев	— Народные русские сказки А. Н. Афанасьева / Под ред. М. К. Азадовского, Н. И. Андреева, Ю. М. Соколова. М., 1936. Т. 1.
Беломорские былины	— Беломорские старины и духовные стихи: Собрание А. В. Маркова / Изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. И. Марченко. СПб., 2002.
Гильфердинг	— Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. М.; Л., 1951. Т. 3.
Григорьев	— Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг. М., 1904. Т. 1; Прага, 1939. Т. 2; М., 1910. Т. 3.
ДРВМ	— Древняя Русь: Вопросы медиевистики.
Кирша Данилов	— Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. СПб., 2000.
Кир.	— Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1861—1864. Вып. 4; 1868. Вып. 7.
Кулой	— Былины Кулоя. СПб.; М., 2011. Т. 6 (Свод русского фольклора; Былины. В 25 т.).
Мезень 3	— Былины Мезени. СПб.; М., 2003. Т. 3 (Свод русского фольклора; Былины в 25 т.).
Мезень 4	— Былины Мезени. СПб.; М., 2004. Т. 4 (Свод русского фольклора; Былины в 25 т.).
Ончуков	— Северные сказки в собрании Н. Е. Ончукова / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2008.
Парилова-Соймонов	— Былины Пудожского края / Подгот. текстов, ст. и коммент. Г. Н. Париловой и А. Д. Соймонова. Петрозаводск, 1941.
Печора 1	— Былины Печоры. СПб.; М., 2001. Т. 1 (Свод русского фольклора; Былины в 25 т.).
Пинега	— Былины Пинеги. СПб.; М., 2012. Т. 7 (Свод русского фольклора; Былины. В 25 т.).

-
- Путилов — Былины / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Н. Путилова. Л., 1957.
- Рыбников — *Рыбников П. Н.* Собрание песен. В 3 томах / Под ред. Б. Н. Путилова. Петрозаводск, 1989. Т. 1; 1990. Т. 2; 1991. Т. 3.
- Соколов-Чичеров — Онежские былины / Подбор былин и науч. ред. текстов Ю. М. Соколова; подгот. текстов к печати, примеч. В. Чичерова. М., 1948.
- СУС — Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский и др. Л., 1979.
- Шахматов 2005 — Фольклорное наследие А. А. Шахматова / Вступ. ст., подгот. текста и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2005.